

problems, in minor spirits and in the tragedy that had different forms of manifestation in human life, but the strongest one – in optimistic enthusiasm, in consolidation of forces for the establishment of the family and the people, for strengthening its identity and national self-expression.

So, we have every reason to say that the life-giving-dialectical conflict settings in the tetralogy by R. Ivanchenko about old Rus are depicted in various ways; and the variety of social life levels, the depth of the spiritual world of a particular individual are taken into consideration.

ЛІТЕРАТУРА

1. Гегель Г.-В.-Ф. Лекции по эстетике // Соч. : в 13 т. – Т. 12 / Г.-В.-Ф. Гегель. – М. : Гос. социальное-эконом. изд-во, 1938. – 471 с.
2. Іванченко Р. Гнів Перуна : роман / Р. Іванченко. – К. : Рад. письменник, 1982. – 503 с.
3. Іванченко Р. Золоті стремена : роман / Р. Іванченко. – К. : Рад. письменник, 1984. – 447 с.
4. Іванченко Р. Зрада, або Як стати володарем : роман / Р. Іванченко. – К. : Рад. письменник, 1988. – 487 с.
5. Іванченко Р. Отрута для княгині : роман / Р. Іванченко. – К. : Спалах ЛТД, 1995. – 464 с.
6. Крымский С. Контуры духовности: новые идентификации / С. Крымский // Вопросы философии. – 1992. – № 12. – С. 15–21.
7. Повість минулих літ : літопис ; переказ В. Близнеця. – К. : Веселка, 1989. – 221 с.

REFERENCES

1. Gegel, G.-V.-F. (1938), *Leksii po estetike* [Lectures on Aesthetics]. *Sochyneniia* (Vol. 1–13), Moscow, Gosudarstvennoe sotsialno-ekonomicheskoe izdatelstvo [in Russian].
2. Ivanchenko, R. (1982), *Hniv Peruna* [Perun's Anger]. Kyiv: Radianskyi pysmennyk [in Ukrainian].
3. Ivanchenko, R. (1984), *Zoloti stremena* [Golden Stirrups]. Kyiv: Radianskyi pysmennyk [in Ukrainian].
4. Ivanchenko R. (1988), *Zrada, abo Yak staty volodarem* [Treason, or How to Become a Gerent]. Kyiv: Radianskyi pysmennyk [in Ukrainian].
5. Ivanchenko, R. (1995), *Otruta dlia kniahyni* [Poison for the Duchess]. Kyiv: Spalakh LTD [in Ukrainian].
6. Krymskii, S. (1992), *Kontury dukhovnosti: novyie identifikatsii* [Outline of Spirituality: New Identifications]. *Voprosy filosofii*, 12, 15–21 [in Russian].
7. *Povist mynulykh lit* (1989) [Tale of Bygone Years]. Kyiv: Veselka [in Ukrainian].

УДК 398 : 398.8 (479) «18»

НАЦИОНАЛЬНАЯ СПЕЦИФИКА ФОЛЬКЛОРНОЙ ИСТОРИЧЕСКОЙ ПАМЯТИ (НА МАТЕРИАЛЕ ПЕСЕН О СОБЫТИЯХ НА КАВКАЗЕ)

Павленко И.Я., д. филол. н., профессор

Запорожский национальный университет, ул. Жуковского, 66, г. Запорожье, Украина

i.pawlenko2011@yandex.ua

В статье проанализирован и сопоставлен обширный массив историко-песенного материала о военных событиях первой половины XIX в. на Кавказе, циклы песен о Ермолове, Шамиле, Хаджи Мурате,

в частности, прослежены причины, формы и способы отражения одних и тех же событий и исторических лиц в русских исторических песнях и песнях горцев.

Ключевые слова: фольклор, исторические песни, память, идеализация, сопоставление.

НАЦІОНАЛЬНА СПЕЦИФІКА ФОЛЬКЛОРНОЇ ІСТОРИЧНОЇ ПАМ'ЯТІ (НА МАТЕРІАЛІ ПІСЕНЬ ПРО ПОДІЇ НА КАВКАЗІ)

Павленко І.Я.

Запорізький національний університет, вул. Жуковського, 66, м. Запоріжжя, Україна

У статті проаналізовано та зіставлено значний масив історико-пісенного матеріалу про воєнні події першої половини ХІХ ст. на Кавказі, цикли пісень про Єрмолова, Шаміля, Хаджі Мурата, зокрема простежені причини, форми та способи відтворення одних і тих же подій та історичних осіб у російських історичних піснях і піснях горців.

Ключові слова: фольклор, історичні пісні, пам'ять, ідеалізація, зіставлення.

THE NATIONAL SPECIFICITY OF FOLK HISTORICAL MEMORY (BASED ON THE SONGS ABOUT THE EVENTS IN THE CAUCASUS)

Pavlenko I.Ya.

Zaporizhzhya National University, Zhykovsky str., 66, Zaporizhzhya, Ukraine

The article raises the question of specifics and preserving of the national historical memory in historical and singing works of Russian Cossacks and the descendants of the highlanders who opposed the conquest of the Caucasus.

The range of problems associated with comparative analysis of historical and songwriting people – combatants – are outlined, based on the analysis of Russian folklore discourse (a small number of publications and reprints of historical recordings of Russian songs about the war in the Caucasus, a rare publication of highlanders' heroic songs in a native language and Russian, studying the specifics of folklore and historical memory of one nation). The article identified the causes of researchers' inattention to comparative analysis of the existing material (analysis of folk interpretation of events, taking into consideration the specifics of the genre of historical and heroic songs can destroy stereotypes about military operations in the Caucasus in the first half of the 19th century). The array of folklore texts are defined for the correctness of comparative analysis (song cycles about General Yermolov and his activities, Shamil and Hadji Murad, that were common in the Russian Cossack folklore and among the peoples of the Northern Caucasus). The tendency to idealize one's own history and the glorification of ancestors, but at the same time different attitude to the war and the motivation to participate in it can be traced: the protection of native land, family and faith – for Caucasian highlanders; expanding the boundaries of the Christian world, a way to excel and to be rewarded – for Russian Cossacks and soldiers. The exaggeration of the enemy forces is pertained for all the songs but its goals are different: in Russian historical songs it emphasizes the importance of victory, while in the songs of Caucasian highlanders – softens the bitterness of defeat and implicitly justifies the defeated. The peoples of the Caucasus singing about the cruelty of the conquerors, but this motif is absent in Russian songs about the conquest of the Caucasus. The motive of internal contradictions, treason, bribery is common for Caucasian highlanders' songs. These realities of war are not mentioned in the songs of the Cossacks because of conflicting with military morality. The idealization of their own past in Russian songs associated with an ironic attitude towards the enemy, while it's absent in highlanders' songs: the defeat makes remember the power of the winner.

Key words: folklore, historical songs, memory, idealization comparison.

Одна из слабых сторон современной фольклористики – обращение к изучению народной исторической памяти одного (как правило, своего) народа при частом игнорировании того факта, что историческое событие живёт в памяти потомков всех участников событий, следовательно, в фольклоре разных народов. Идеализация своей истории приводит к тому, что до сих пор появляются работы, в которых на основании русских исторических песен о войне на Кавказе делается вывод о цивилизационной миссии русских войск. Такой подход приводит к заявлениям подобного типа: «Достоинством народной памяти остается героика событий покорения Кавказа. Эта устная история свободна от националистических фальсификаций, которыми пронизана историография некоторых северокавказских регионов. Она одна достоверна и искренна в передаче народных оценок свершившихся событий и исторических деятелей» [11].

Соглашаясь с тем, что народная память «искренна в передаче народных оценок свершившихся событий», напомним, что и в фольклоре народов Кавказа эти события тоже «нашли нефальсифицированное отражение и оценку», ведь память о прошлом в устном творчестве имеет национальную (этническую) и даже региональную обусловленность, что особенно актуально для приграничных зон.

Односторонность исследований обусловлена рядом причин. Не в последнюю очередь, – отсутствием в широком научном обращении необходимых материалов. Ведь для сопоставления нужно:

1. Знание языков, на которых созданы сопоставляемые произведения, или возможность обратиться к качественным переводам.
2. Наличие собственных записей или публикаций фольклора исследуемых территорий.
3. Относительная доступность материалов для исследователей.

В русском (и советском) научном дискурсе проблема специфики многонациональных фольклорных традиций территорий, на которых происходили перманентные военные конфликты, долгое время оставалась вне поля зрения. Да и вопрос о том, что считалось/считается «героикой», победителями и побеждёнными, также не рассматривался, поскольку сопоставительный анализ произведений разных народов об одном и том же событии способен разрушить многие стереотипные представления. Публикации и анализ соответствующего фольклорного материала встречаются редко. И если русские исторические песни о походах Ермолова, пленении Шамиля, взятии аулов и т.д. периодически публиковались и публикуются [4; 10; 13; 14; 17; 18 и др.], широко представлены в интернете [15 и др.], достаточно часто становятся объектом изучения [20–22 и др.], значительно хуже дело обстоит с историческими песнями народов Кавказа. Историко-песенный фольклор горцев не часто издавался в русских переводах, в многотиражных текстах интересующие нас произведения представлены мало [5; 8; 9; 12; 16]. Редко попадают они и в поле зрения русских и русскоязычных исследователей [1–3; 7]. Очевидно, до сегодняшнего дня лучшее издание – «Сборник материалов для описания местностей и племён Кавказа» (СМОМПК), вышедший в Тифлисе на рубеже XIX–XX ст. [8; 17–19 и др.].

Цель данной статьи – сопоставить характер и особенности изображения и оценки военных действий I половины XIX в. на Кавказе в историко-песенном фольклоре, бытовавшем (а в некоторых случаях и бытующем) на местах интересующих нас исторических событий в репертуаре потомков русских казаков и представителей коренных народов Кавказа.

Для корректности сопоставления выбраны песенные исторические произведения разных народов об одном и том же событии или лице, что даёт возможность выявления смысловых доминант и особенностей сохранения национальной памяти о прошлом.

В процессе работы анализировались оригинальные записи русских исторических песен и подстрочные переводы даргинских, аварских, ингушских и чеченских историко-песенных фольклорных произведений.

Основные формы сохранения исторической памяти в фольклоре – предания и песни об исторических событиях и героях. В основе любого такого произведения – конкретный исторический факт. Обращение к далёкому прошлому – не первичная черта историко-песенного фольклора, а результат жизни произведений во времени и пространстве, восприятия содержания текста исполнителями. Песня создаётся сразу же после события или в процессе наблюдения над ним и лишь со временем представителями последующих поколений начинает осознаваться как историческая.

Независимо от характера позднейшей трансформации исторические песни – динамическая система, обладающая собственной, независимой от времени создания отдельных произведений картиной мира и социально-бытовыми функциями. Основными параметрами картины мира исторических песен можно считать следующие:

1. Герой (участник событий, а не выразитель чувства) ассоциируется с конкретной исторической личностью или представителем определённой социально-исторической группы (в массиве интересующих нас русских исторических песен и произведений песенного фольклора народов Северного Кавказа – Шамиль, Хаджи Мурат, кади, казаки-кубанцы, солдаты, часто называются фамилии высших офицерских чинов – генерала Ермолова, Воронцова, Крюковского, Слепцова, Бакланова, Мищенко, Врангеля и др.).

2. Конкретность хронотопа.

2.1. Время историческое, которое ассоциирующееся с конкретным событием или типичными явлениями определённой эпохи, всегда прошедшее (в данном случае, – события первой половины XIX в., маркированные конкретными фактами, иногда с указанием времени, именами исторических лиц, а иногда и конкретной датой. Например, песня «На взятие аула Алхан юрта» начинается строкой «В пятьдесят первом году / набирал Шамиль орду» [18, с. 117].

2.2. Пространство географическое, локальное или региональное, часто маркированное топонимами (Северный Кавказ и отдельные местности – аулы, ущелья, горы. Например, в песне «Ахульго»: «Ну, а кто вам задал бой и в Ишкартах, и в Телетле?! // В Салатавию войска наш имам Шамиль повел!» [12, с. 32]).

3. Событие завершено во времени.

4. Сфера воли фантазии ограничена возможным или потенциально возможным с установкой на достоверность. Традиционные гиперболы выполняют художественную функцию. Например:

То не гром ли в небе, что с грозой гремит? –
Орудия это громом гремят.
Словно льющийся частый мелкий дождь,
Сыплется на головы свинцовый град.
Со стальными сердцами в гущу ворвались,
Те, в ком сильна честь, погибли в бою... [цит. по 2, с. 128];

...Из отборнейших солдат снарядив свои полки,
Генерал Аргут идет по Кавказу напрямиком.
С пушками идет, а их – что камней на дне реки,
С ядрами идет, а их – что песка на дне морском!
С грохотом телег идет, отчего дрожит земля.
С топотом коней идет, отчего в горах — обвал... [12, с. 33].

Единство картины мира коррелирует с общими социальными функциями: для исторических песен это информативная, мнемоническая и консолидирующая.

Для возникновения и долгой жизни песни необходимо, чтобы совпало, по крайней мере, несколько факторов: яркое событие, талантливые свидетели или участники, хорошо освоившие фольклорную традицию, интерес современников, актуальность (или информативность) произведения для наследников. Если отсутствует хоть один фактор, произведения о событии может не быть. В лучшем случае будет трансформирована ранее созданная песня или память о событии будет жить в прозаических нарративах или утратиться. Когда я впервые писала о необходимости для создания исторической песни талантливого свидетеля, не знала, что у некоторых кавказских народов поэты, сказители

специально с небольшого расстояния наблюдали за событиями, при этом никто из представителей враждующих сил не трогал безоружных творцов, цель которых – создание устных произведений для сохранения памяти о происходящем. В аксиологии жителей Кавказа существенное место занимает слава, доброе, хорошее знание о человеке и его поступках. В песнях находили отражения наиболее значимые события и отличившиеся в них люди, поэтому многие горцы хотели стать героями таких произведений. Власть песни в их среде была отмечена А.С. Грибоедовым. 27 ноября 1825 он писал В.К. Кюхельбекеру об одном из общих знакомых: «...храбрый из всех молодых князей, первый стрелок и наездник и на всё готовый, лишь бы кабардинские девушки воспевали его подвиги по аулам» [6, с. 572].

Поскольку в процессе трансмиссии текст исторической песни запоминается практически дословно (благодаря ритмической организации, мелодии и часто коллективной форме исполнения), уровень позднейшего «домысливания» события или биографии героя значительно ниже, чем в предании или устном рассказе, в то же время возможность проникновения изначально чуждых сюжетных ходов и мотивов также ограничена.

Историческая песня создаётся как непосредственная реакция на событие в тексте, который не «сворачивается» подобно текстам народной прозы до семантического ядра, а бытует в относительно стабильном (безусловно, в сравнении с прозаическим фольклорным произведением) виде, потому и продуцируемые позже мотивы и сюжеты в исторические песни почти не проникают. Следовательно, сохраняется (конечно, не абсолютно) видение события его участниками или свидетелями, поэтому в фольклоре соседствующих народов, история взаимоотношений которых, как правило, не бывает простой, одно и то же событие может интерпретироваться по-разному.

С обеих сторон сохранение фольклорной исторической памяти связано с процессами постепенно идеализации собственного прошлого, следовательно, со своеобразным отбором и интерпретацией фактов, потому в песнях враждующих/враждовавших сторон не всегда упоминаются одни и те же события. Много, противоречащее созданию положительной характеристики «своего» и отрицательной «чужого», постепенно забывается.

Сопоставление записей русских исторических песен и песен народов Кавказа о военных событиях первой половины XIX в. позволяет говорить о том, что отдельные эпизоды войны (а в фольклоре значимы именно они), их результаты, поступки людей раскрываются и оцениваются по-разному. Различие было обусловлено, в первую очередь, отношением к войне. Для коренного населения Кавказа – это защита собственной земли, свободы и веры, что зачастую объединяет даже бывших врагов, может сплотить разрозненные аулы. Горец сражался на своей земле за право оставаться на ней хозяином. Во многих песнях (безусловно, в зависимости от вероисповедания их создателей и носителей) контаминированы мотивы защиты земли и веры. Поэтому, с одной стороны, звучат мысли о святости своей земли и праведности её защитников, награда для которых возможна лишь в горнем мире.

И цунтинцы, для кого смерть – заветная мечта,
И ахваццы, что в бою – разъяренное волчат,
Рвутся в битву, говоря: «Все земное — суета»,
Жаждут вере послужить, прославляя газават [12, с. 34].

Истинные причины войны в русских исторических песнях, как правило, не упоминаются, о том, что земли не отвоёвываются, а завоёвываются, речь практически не идёт. Горцы априори оцениваются как враги, чужие по способу жизни, вере, нравам, обычаям. Постоянно акцентируется, что они – «неверные», срабатывает средневековый принцип мышления, при котором «чужой» – за пределами обычной морали, а победа

ассоциируется не только с приобретением новых земель, но и с переходом бывших врагов в веру победителей:

Мы к Воздвиженью поспеем,
В Гергебиле погулять,
Мы Шамиля – лиходея,
Крест научим целовать! [15].

Подобные мотивировки военных действий русской армии и казачества упоминаются и в песнях горцев:

Собрался выступить неверный в поход:
– Плоскость я разграблю, набег совершу,
На горе Аркас шатры разобью,
В ущелье Аймаки пушки поставлю,
На мусульманство саблей размахну,
Крепость Дайтилов огнем спалю.
Новую церковь возведу, назначу попа [цит. по 2, с. 110].

В песнях солдат и казаков героизм – выполнение приказа и борьба с неверными, следовательно, и расширение границ христианского мира. Для создателей и трансляторов этих песен важны материальные награды за мужество и отвагу, о чём неоднократно говорится в русских исторических песнях:

Наш наместник Воронцов
Всем пример покажет,
И навешает крестов,
И спасибо скажет [18, с. 95].

Или «Царь великий не жалеет нам отличий и наград» [18, с. 96 и др.].

Долг в русских песнях воспринимается как служба царю и выполнение приказа, это восприятие долга в воинской среде, чем объясняется сохранение и исполнение их преимущественно в казачьих станицах.

В русских исторических песнях практически нет глубокой мотивировки событий. В них подчёркивается сила оружия и мужество воинов, однако практически не раскрываются «гуманитарные» последствия побед, судьбы побеждённых вне смыслового поля этих произведений. Скрываются формы расправы над мирным населением, о чём никогда не забывают песни народов Кавказа. «Чужой» изначально виноват, его поражение – закономерность и всё, кроме любования собственной силой и удачей, особой роли не играет. Песни народов Кавказа раскрывают истинное поведение победителей, о котором никогда не говорится в русских солдатских и казачьих песнях (но в песнях о нападении врага на русские земли об этом тоже идёт речь).

В результате идеализации членов своего коллектива многие события, в которых принимали участие солдаты, в фольклоре приписываются казакам и наоборот. Но это только в том случае, когда речь идёт об одержанных русскими победах. Песни о поражениях, которых тоже было немало, практически не сохранились. Возможно, их (песен) не было изначально, однако вероятнее, что они не поддерживались коллективной памятью. В отличие от фольклора народов Кавказа, где песни о поражениях были просто необходимы для объяснения настоящего положения народа. Так потомки познавали трагические стороны своей истории.

В песнях народов Кавказа не только воспроизводится, но и анализируется прошлое. В них неоднократно гиперболизируются силы обеих сторон, однако поражение мотивируется не только и не столько силой русского оружия, сколько внутренними распрями, частыми в

истории Кавказа, алчностью и трусостью отдельных правителей и отнюдь нечестными методами ведения войны со стороны Ермолова и его последователей.

...Предал нас Абдул – Халим, пропустил солдат, злодей!
 Предал нас Омар – Дибир, да иссохнет он в темнице!
 Чтоб гяурам услужить, – столько выдал он семей,
 Стариков, детей и жен, что в горах хотели скрыться!.. [16, с. 62].

В песнях звучат слова упрека предавшим свой народ наибамам и мухаджирам:

Салты отстоять от врага мы могли бы,
 Когда подоспели на помощь наибы.
 Спасли бы свободу аварской земли,
 Когда б мухаджири на помощь пришли! [16, с. 65].

В песнях част мотив измены народу и вере. Характеристика тех, кто перешёл на сторону врага, деньги ценил выше чести, всегда полна презрения. В них алчность всегда сопровождается трусостью, и оба эти качества – свидетельство душевной низости и плебейства.

Поскольку функционировавшие на Кавказе героические песни и песни-плачи воспроизводили и оценивали прошлое с точки зрения истинных патриотов, тех, кто был предан и потерпел поражение не по своей вине, в них часто главным объектом обвинения становятся бывшие «свои», обеспечившие победу «чужим» и обездолившие земляков-единоверцев.

В чем особенно Ермоловых-то винить? –
 Ведь по проложенной тропе проходит осел:
 Шоссе проложил, по нему провел,
 О, не будет тебе счастья, азайнинский шамхал,
 Это ты рассеял, раздробил мусульман.
 Кумыки бедные, жившие в камышовых саклях,
 Вынуждены были уйти в леса [цит. по 2, с. 114].

В песнях аварцев и даргинцев говорится о подкупе как способе вести войну против народов Кавказа, и это действие рассматривается как бесчестное, бессовестное, преступное. Власть денег оказывается сильнее оружия, страшнее доблести врагов. Многие поражения объясняются алчностью и жадностью, приводящими к подлости и предательству.

Коронованной лисе
 Было ведомо одно:
 Что перед золотом не все
 Могут стойкость проявить.
 Звон червонного рубля
 В истомившемся краю
 Среди наибов Шамяля
 Вдруг предателя найдет [12, с. 82].

Настойчивое упоминание о подкупе во многих даргинских (и не только) песнях неслучайно. Деньги как один из способов ведения войны на Кавказе часто упоминается в различных документах, отражающих деятельность Ермолова и пленение Шамяля, потому вполне закономерно, что в песнях горцев отразилась весьма распространённая мысль о том, что царские деньги во многом определили исход войны на Кавказе.

Возвращается гонец. Следом движется обоз.
 С чистым золотом тюки. Серебром полны вьюки.

Если этих молодцов силой взять не удалось,
 Это значит, что свинец в этом деле – не с руки.
 Тут совсем иной металл пригодится, может быть.
 Из наибов кое-кто любит деньги и почет.
 Не сумели победить, так сумейте подкупить.
 Ядра, сабли – ни к чему! Хитрости пришел черед... [12, с. 36].

Мотив предательства в своей среде повторяется во многих произведениях народов Кавказа, но не встречается в русских. Отсутствует в них и мотив подкупа противника, поскольку это унижительно и противоречит воинскому этосу. Победа оказывается делом бесчестным, что снижает самооценку творцов и трансляторов героических песен, противоречит самой сути образа идеального исторического персонажа, ставя под сомнение возможность победы в честном бою. Для казаков и солдат важны мужество, героизм, удаля, а все эти качества могут проявиться лишь в борьбе с достойным противником. Как ни парадоксально, но идеализация собственного прошлого ведёт и к «забыванию» негативных черт противника.

Даже беглое сооставление русских исторических песен и историко-песенных призывов народов Кавказа о военных событиях первой половины XIX в. позволяет говорить о том, что в историко-песенном фольклоре господствует принцип идеализации прошлого. Событие «выпрямляется» и изображается в соответствии с представлением о нём среды создателя и носителя.

Трагизм истории Кавказа был связан и с частыми внутренними конфликтами (этническими, социальными, религиозными), что ослабляло сопротивление русским войскам. Были случаи подкупа и прямого предательства, также нашедшие отражения в песнях. Однако песни оценивают эти происшествия с позиций тех, кого предали и чьи силы в результате были ослаблены. Таким образом, и в тяжести поражения обвинялись другие, а героизм «своих» предков не подвергался сомнению, память о них продолжала процесс идеализации.

В песнях народов Кавказа поражение часто объясняется изменой и алчностью части предводителей, чем имплицитно оправдываются рядовые участники. Этот мотив отсутствует в русских песнях, поскольку подкуп противника противоречит традиционному воинскому этосу, воплощённому в фольклоре.

Идеализация собственного прошлого в русских песнях связана с ироничным отношением к побеждённому и покорённому противнику, чего нет в песнях народов Кавказа. Сам факт поражения заставляет помнить о силе победителя, отсюда и частая гиперболизация силы войска и оружия.

ЛИТЕРАТУРА

1. Аталикова М.Х. Этические концепты в историко-героических песнях народов Северного Кавказа / М.Х. Аталикова // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики : в 4-х ч. – Ч. II. – Тамбов : Грамота, 2011. – № 5 (11). – С. 24–26.
2. Ахлаков А.А. Героико-исторические песни аварцев / А.А. Ахлаков. – Махачкала : Дагестанское книжное издательство, 1968. – 273 с.
3. Ахлаков А.А. Исторические песни народов Дагестана и Северного Кавказа / А.А. Ахлаков. – М. : Наука, 1981. – 230 с.
4. Бигдай А.Д. Песни кубанских казаков / А.Д. Бигдай. – Краснодар : Советская Кубань, 1995. – 512 с.

5. Героико-патриотические традиции в народно-песенном творчестве адыгов (на историко-этнографическом материале). – [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <http://www.dissercat.com/content/geroiko-patrioticheskie-traditsii-v-narodno-pesennom-tvorchestve-adygov-na-istoriko-etnograf>
6. Грибоедов А.С. Письмо В.К. Кюхельбекеру 27 ноября 1825 г. / Грибоедов А.С. // Сочинения ; подгот. текста, предисл. и коммент. В. Орлова. – М.; Л. : Гослитиздат, 1959. – XXIV, 782 с., 1 л. портр. : факс. – С. 572.
7. Далгат У.Б. Героический эпос чеченцев и ингушей / У.Б. Далгат. – М. : Наука, 1972. – 115 с.
8. Двенадцать судархарских песен. Сообщил Б. Далат. // Сборник материалов для описания местностей и племён Кавказа. – Вып. 14. – Тифлис : Издание управления Кавказского учебного округа, 1892. – С. 9–72.
9. Илли. Героико-эпические песни чеченцев и ингушей. – Грозный : Чечено-ингушское книжное издательство, 1979. – 238 с.
10. Исторические песни на Тереке ; подгот. текстов, статья и прим. Б.Н. Путилова. – Грозный, 1948. – 142 с.
11. Матвеев О.В. «Распрощайся, ты, Шамиль...» (пленение имама в устной истории кубанских казаков). – [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <http://www.slavakubani.ru/culture/folklore-legends-epics/detail-5048>
quot_rasproshchaysya_ty_shamil_pleneniye_imama_v_ustnoy_istorii_kubanskikh_kazakov
12. Песни Северного Кавказа ; вступ. ст., сост. и прим. К. Кулиева и Н. Джусойты. Редакция поэтических переводов Г. Регистана. – Л. : Советский писатель, 1976. – 559 с.
13. Песни гребенских казаков ; публ. текстов Б.Н. Путилова ; под ред. Н.И. Пруцкова. – Грозный : Грозненское областное издательство, 1946. – 312 с.
14. Песни казаков Кубани ; запись текстов и подготовка к печати И.Ф. Вараввы. – Краснодар, 1966. – 326 с.
15. Песни казаков. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа : bratinafolk.com/oj,_da_vyi_kubanczyi.php
16. Песни народов Дагестана ; сост. Н. Капиева. – Л. : Советский писатель. Ленинградское отделение, 1970. – 574 с.
17. Песни, поющиеся в станице Ищерской Грозненского округа. Сообщила учительница Богородницкого станичного училища Е. Бутова. Былевые и исторические песни // Сборник материалов для описания местностей и племён Кавказа. – Вып. 15. – Тифлис : Издание управления Кавказского учебного округа, 1893. – С. 274–289.
18. Песни, поющиеся в станице Слепцовской Владикавказского округа. Сообщил заведующий двухклассного училища П. Семёнов. Исторические песни // Сборник материалов для описания местностей и племён Кавказа. – Вып. 15. – Тифлис : Издание управления Кавказского учебного округа, 1893. – С. 92–140.
19. Песни, поющиеся в той же (Наурская Грозненского округа) станице. Сообщил учитель Наурского станичного училища В. Пятирублев. Былевые и исторические песни // Сборник материалов для описания местностей и племён Кавказа. – Вып. 15. – Тифлис : Издание управления Кавказского учебного округа, 1893. – С. 208–296.
20. Путилов Б.Н. Исторические песни на Тереке ; под ред. Б.Н. Двинянинова. – Грозный, 1948. – 78 с.

21. Путилов Б.Н. Кавказская война в песнях терского казачества / Б.Н. Путилов // Известия Грозненского областного краеведческого музея. – Вып. 5. – Грозный : Грозн. кн. изд-во, 1953. – 123 с.
22. Путилов Б.Н. Песни гребенского казачества / Б.Н. Путилов // Учен. зап. Грознен. гос. пед. ин-та – Вып. 2 : Филологическая серия. – Грозный, 1946. – С. 5–26.

REFERENCES

1. Atalikov, M. H. (2011), Eticheskie kontsepty v istoriko-geroicheskikh pesniakh narodov Severnogo Kavkaza, Ethical concepts in historical-heroic songs of the peoples of the North Caucasus, Historical, philosophical, political and legal Sciences, Culturology and study of art. Issues of theory and practice. – Diploma, Tambov, Russia, № 5 (11), pp. 24–26.
2. Akhlakov, A. A. (1968), Geroiko-istoricheskie pesni avartsev, Heroic-historical songs Avars, Dagestan publishing house, Makhachkala.
3. Akhlakov, A. A. (1981), Istoricheskie pesni narodov Dagestana i Severnogo Kavkaza, Historical songs of the peoples of Dagestan and the North Caucasus, Nauka, Moscow, Russia.
4. Bihdai, A. D. (1995), Pesni Kubanskikh kazakov, Songs of the Kuban Cossacks, Soviet Kuban, Krasnodar.
5. Geroiko-patrioticheskie traditsii v narodno-pesennom tvorchestve adygov, Patriotic traditions in folk-songs of the Circassians (historical and ethnographic material), available at: <http://www.dissercat.com/content/geroiko-patrioticheskie-traditsii-v-narodno-pesennom-tvorchestve-adygov-na-istoriko-etnograf>
6. Griboedov, A. S. (1959), Pismo k V. K. the Kuchelbeckeru, The Letter to V. K. the Kuchelbecker 27 November 1825, Essays, prepared. text, ed. and the comment. Orlov, Goslitizdat, Moscow, Leningrad, XXIV, pp. 782, 1 L. p.: Fax. - pp. 572.
7. Dalgat, U. B. (1972), Geroicheskie eposy chechentsev i ingushei, Heroic epic of the Chechens and Ingushes, Nauka, Moscow, Russia.
8. Dvenadtsat sudarkharskikh pesen, Twelve Sudaruska songs, reported By B. Da Lat., (1892), Collection of materials for the description of the districts and tribes of the Caucasus, Vol. 14, Publishing management Caucasian school district, Tbilisi, Georgia, pp. 9–72.
9. Illi, (1979), Geroiko-epicheskie pesni chechentsev i ingushei, Heroic epic songs of the Chechens and Ingush, Chechen-Ingush book house, Grozny.
10. Istoricheskie pesni na Tereke, Historical songs on the Terek river, prepared. texts, articles and approx. V.N. Putilova, (1948), Terrible.
11. Matveev, O. C. , Rasproshchaisia ty, Shamil, Say good-bye, you, Shamil... (the capture of Imam in the oral history of the Kuban Cossacks), available at: <http://www.slavakubani.ru/culture/folklore-legends-epics/detail-5048-quot-rasproshchaysya-ty-shamil-plenienie-imama-v-ustnoy-istorii-kubanskikh-kazakov>
12. Pesna severnogo Kavkaza, Songs of the North Caucasus, (1976), Introductory article, compilation and notes by K. Kuliev, and N. Jusoi. Edition poetic translation, Registan, Soviet writer, Leningrad.
13. Pesni Grebenskikh kazakov, Songs Greben Cossacks, (1946), Grozny regional publishing house.
14. Pesna kazakov Kubani, Songs of the Cossacks of the Kuban, (1966), Write texts and preparation for printing of the Imperial family of Barabbas. Krasnodar.
15. Pesni kazakov, Songs of the Cossacks, available at : bratinafolk.com/oj_da_vyi_kubanczyi.php
16. Pesna narodov Dagestana, Songs of the peoples of Dagestan, (1970), Comp. Kapiyeva N., Soviet writer. Leningrad Department, Leningrad.
17. Pesni, poiushchiesia v stanitse Ishcherskoi Groznenskogo okruga, Song book in the village Ishcherskoe the Grozny district, Said the teacher of Ogorodnikova stanitsa school that is Butova. Belevie and historical songs, (1893), Collection of materials for the description of the districts and tribes of the Caucasus, Vol. 15, Publishing management Caucasian school district, Tbilisi, Georgia, pp. 274–289.
18. Pesni, poiushchiesia v stanitse Slepsovskoi Vladikavkazskogo okruga, Song book in the village Slepsovskaaia district of Vladikavkaz. Said head dvuhklassnoe College P. Semenov. Historical songs, (1893), Collection of materials for the description of the districts and tribes of the Caucasus, Vol. 15, Publishing management Caucasian school district, Tbilisi, Georgia, pp. 92–140.

19. Pesni, poiushchiesia v toi zhe (Naurskaia Groznenskogo okruga) stanitse, Song-book in the same (Naurskaia Grozny district) page. Said the teacher naurskogo stanitsa school Century. Pateroles. Belevie and historical songs, (1893), Collection of materials for the description of the districts and tribes of the Caucasus, Vol. 15, Publishing management Caucasian school district, Tbilisi, Georgia.
20. Putilov, B. N. (1948), Istoricheskie pesni na Tereke, Historical songs on the Terek, Grozny.
21. Putilov, B. N. (1953), Kavkazskaia voina v pesniakh terskogo kazachestva, Caucasian war in the songs of the Terek Cossacks, Proceedings of Grozny oblast Museum of local lore, Vol. 5, Gross. publishing house, Grozny.
22. Putilov, B. N. (1946), Pesni Grebenskogo kazachestva, Songs Greben Cossacks, Vol. 2, Philological series, Grozny, pp. 5–26.

УДК 81'42:82.0 – 994

ІНСТИТУЦІЙНІ ХАРАКТЕРИСТИКИ ЕЗОТЕРИЧНОГО ДИСКУРСУ

Петрик Т.В., к. філол. н., доцент

*Львівський національний університет імені Івана Франка,
вул. Університетська, 1, м. Львів, Україна*

tetyana_petryk@mail.ru

Езотеричний дискурс виокремлено як підвид сакрального з точки зору родо-видових відносин, а за адресатним критерієм – як інституційний. Продуцентами езотеричного дискурсу виступають і сутності інших вимірів, і люди. Головним принципом езотеричних учень є духовний сенс життя, а основними поняттями – енергетика, карма, переселення душ, “тонкі світи” тощо. Метою езотеричного дискурсу є зміна світогляду особистості, підпорядкування матеріального духовному. До автохтонів езотеричного дискурсу віднесено такі концепти, як БОГ, ДУХ, ДУХОВНІСТЬ, ДУША. У всіх підтипах езотеричного дискурсу ролі учасників комунікації статусно визначені: модель “вчитель/наставник (духовний) – учень”.

Ключові слова: дискурс, інституційний, езотеричний, модель комунікації, автохтон.

ИНСТИТУЦИОНАЛЬНЫЕ ХАРАКТЕРИСТИКИ ЭЗОТЕРИЧЕСКОГО ДИСКУРСА

Петрик Т.В.

*Львовский национальный университет имени Ивана Франко,
ул. Университетская, 1, Львов, Украина*

Эзотерический дискурс выделен как подвид сакрального с точки зрения родо-видовых отношений, а за адресатным критерием – как институциональный. Продуцентами эзотерического дискурса выступают как сущности других измерений, так и люди. Главным принципом эзотерических учений является духовный смысл жизни, а основными понятиями – энергетика, карма, переселение душ, “тонкие миры” и т.п. Целью эзотерического дискурса является изменение мировоззрения личности, подчинение материального духовному. К автохтонам эзотерического дискурса относятся такие концепты, как БОГ, ДУХ, ДУХОВНОСТЬ, ДУША. Во всех подтипах эзотерического дискурса роли участников коммуникации статусно определены: модель “учитель/наставник (духовный) – ученик”.

Ключевые слова: дискурс, институциональный, эзотерический, модель коммуникации, автохтон.

INSTITUTIONAL CHARACTERISTICS OF ESOTERIC DISCOURSE

Petryk T.V.

Ivan Franko Lviv National University, Universytetska str., 1, Lviv, Ukraine

The article singles out esoteric discourse as a subtype of sacral discourse from the point of view of typology correlations and as institutional one from the point of view of the discourse addressee. Both entities from other dimensions and human beings can perform the function of esoteric discourse producer. The central principle of esoteric teachings is spiritual sense of life, basic ideas – energy, karma, transmigration of souls, “thin worlds”, etc. The aim of the esoteric discourse is the change of the personality outlook, submission of material values to spiritual. Such concepts as GOD, SPIRIT, SPIRITUALITY, and SOUL belong to esoteric discourse autochthons. In all the subtypes of esoteric discourse the roles of communicants are status-defined according to the model “teacher/mentor (spiritual) – disciple”. In channeling-discourse, as a subtype of